

К-5821

СОВРЕМЕННОСТЬ

1913
Г О Д Ъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Содержаніе.

I. МУДРОСТЬ. Стихотвореніе Ив. Бунина.	3
II. ХОЗЯИНЪ. Повѣсть (продолженіе) М. Горькаго.	4
III. * Неизданное стихотвореніе Н. Сатина.	40
IV. ХУДАЯ ТРАВА. Ив. Бунина.	41
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА Гр. П. А. Валуева.	62
VI. * Стихотвореніе Леонида Старка.	72
VII. ПРЕСТУПЛЕНІЕ ОТЦА АМАРО. Романъ (продолженіе) Эса де Кероса. Перев. Т. Герценштейнъ.	73
VIII. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ НА ПОРОГЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. По неизданнымъ матеріаламъ (окончаніе) Евг. Ляцкого.	108
IX. ШАКИРДЪ-АБИ. Разсказъ Мухамеда Гаязъ Исхакова. Перев. Р. Свердловой.	155
X. ГЕННИСАРЕТЬ. Романъ (окончаніе) Бенгта Берга. Перев. К. Жихаревой.	166
XI. СУХАРИ. Повѣсть (продолженіе). В. І. Дмитріевой.	202
XII. ВСѢ ПУТИ СКРЕЩИВАЮТСЯ. А. Вережникова.	230
XIII. НОВОЕ О ПРОШЛОМЪ. 1. Изъ воспоминаній матери Гоголя (Письмо М. И. Гоголь къ С. Т. Аксакову).—2. Разсказъ С. И. Муравьева о возмущеніи Черниговскаго полка.—3. Литературная петиція 1895 г. Л. Пантелѣева.	247
XIV. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ „ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВКИ“ В. Богучарскаго.	261
XV. УСПѢХИ КАРТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССИИ. Г. Цыпеловича.	268
XVI. КРАИ УГЛЯ И ЖЕЛѢЗА. Очеркъ. П. Сурожскаго.	292
XVII. САТИРЫ. 1. Воробьиная элегія.—2. Проектъ. А. Чернаго.	313
XVIII. ИТОГИ И ФАКТЫ. Монгольскій вопросъ. Вал. Моравскаго. — Къ характеристикѣ російскаго пролетаріата. Ник. Гиммера.	315
XIX. НОВЫЯ КНИГИ.	331
XX. КНИГИ, поступившія въ редакцію.	346
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

О неизданныхъ письмахъ Герцена и содержаніи майской книги см. въ концѣ
настоящей книги.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСТОРИИ, ИСКУССТВА,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПОЛИТИКИ

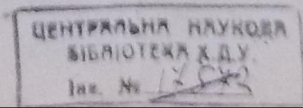

АПРѢЛЬ—1913.

ТИПОГРАФІЯ „УЛЕЙ“
КИРПИЧНЫЙ ПЕР. 3.

59

Край угля и желѣза.

Очеркъ.

I.

Донецкій бассейнъ.

Сухая, высокая, холмистая степь съ балками, запрудами, маленькими пересыхающими лѣтомъ рѣченками, на которыхъ лежатъ большія поселенія, выросшія такъ быстро, такъ недавно. Всюду, куда ни глянешь, торчатъ черныя трубы, схватываются дымки, стоятъ телеграфныя и телефонныя столбы съ туго натянутыми проволоками, бѣгутъ во все стороны рельсовые пути. Утромъ и вечеромъ унылый вой гудковъ на заводахъ и шахтахъ, далеко слышимый, нагоняющій жуть и слезу.

А вечеромъ степь въ огняхъ, въ заревахъ. Они разсыпались всюду и дрожатъ, переливаются, вспыхиваютъ и гаснутъ. Всѣхъ цвѣтовъ они—бѣлые и голубые электрическіе, желтые и красные отъ заводскихъ и коксовыхъ печей.

По вечерамъ картина эффектная, внушительная. Кажется, будто раскинулся въ степи необозримый городъ, раскинулся на десятки верстъ и мигаетъ разноцвѣтными огнями, глухо гудитъ, грохочетъ.

Но это марево, обманъ.

Днемъ здѣсь сѣро, дымно и грязно. Пыльная, сожженная степь, бугры, овраги; черныя пятна заводскихъ селеній, шахтъ и рудниковъ, дымъ и копоть.

Донецкій бассейнъ выросъ, развился и застроился, что называется, на нашихъ глазахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ здѣсь лежала голая, пустынная степь. Мѣста для хлѣбопашества были мало пригодныя—хрящъ, камень, глина, бугры, все безводное, мертвое. Владѣльцы этихъ земель, по преимуществу крестьяне, не знали, что съ ними дѣлать. Мужики говорили:

— Надѣлили паны выбросками. Ни Богу, ни чорту, только мужику.

И мучились, заставляя бесплодные бугры, борясь съ засухами и недородами, которые здѣсь обычное явленіе.

Никто и не подозрѣвалъ, что подъ бесплодной каменистой корой, подъ глиной, песчаникомъ и известнякомъ, скрываются огромныя богатства.

Раскрылись глаза только потомъ, когда на забракованныхъ земляхъ оказались громаднѣйшія залежи каменнаго угля, желѣзной руды, известняка.

Неудобная земля сразу повысилась въ цѣнѣ. Началась разработка ископаемыхъ, хлынули иностранные капиталы, стали вырастать, какъ грибы, горнопромышленныя предпріятія, и дѣлѣй край трепетно забился въ той заводской и угольной горячкѣ, которую ознаменовались на югѣ конецъ девяностыхъ годовъ и начало новаго вѣка.

Это было время небывалаго оживленія, радужныхъ надеждъ, чудовищно-быстрой смѣны капиталистическихъ предпріятій. Всѣ, кто имѣлъ хоть какую-нибудь возможность, бросились строить, рыть, искать. Наживались шутя огромныя состоянія и тутъ же ухлопывались на дутыя предпріятія. Этотъ угольный вихрь, это промышленное опьянѣніе закружило и увлекло многихъ. Но многихъ и обогатило. И—нѣтъ худа безъ добра—обогатились многія крестьянскія общества, на скудныхъ надѣлахъ которыхъ, отведенныхъ имъ хитрыми помѣщиками („на тебѣ, небомже, что мнѣ не гожѣ“), открылись богатѣйшія залежи ископаемыхъ.

Донецкій бассейнъ на нѣсколько лѣтъ превратился въ какой-то интернаціональный базаръ, заговорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Кто-то называлъ тогда Донецкій бассейнъ Русской Бельгіей, и это удачное названіе сохранилось до сихъ поръ.

Но такое напряженіе долго продержаться не могло. Понемногу рудничное опьянѣніе стало проходить. Обнаружилось „перепроизводство“ заводовъ и рудниковъ, и началось обратное теченіе—заводы закрывались, денежная волна отхлынула, многія предпріятія ликвидировались. Это было довольно печальное явленіе. Началось оно лѣтъ десять тому назадъ и, постепенно замирая, продолжается до нашихъ дней. Теперь уже Русская Бельгія—не Бельгія, а просто Донецкій бассейнъ, съ явными, встрѣчающимися довольно часто признаками бывшего горнопромышленнаго сумасбродства. Стоитъ только пройтись по нѣкоторымъ мѣстамъ наибольшаго оживленія, и вы натолкнетесь на печальные памятники прошлаго—заброшенные рудники и шахты, застывшіе въ бездѣйствіи заводы, обезлюдѣвшія поселенія возлѣ нихъ.

Я никогда не забуду того тягостнаго впечатлѣнія, которое я испыталъ во время одной изъ поѣздокъ по Донецкому бассейну, при видѣ такого неосуществившагося предпріятія.

Дѣло было въ Славяносербскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Луганска. Мы проѣзжали мимо, если не ошибаюсь въ наименованіи, Бѣлянскаго металлургическаго завода, и мѣстный человѣкъ, съ которымъ всегда какъ-то столкнешься въ вагонѣ, говорилъ:

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться, Бѣлянскій заводъ. Сотни тысячъ ухлопали на оборудованіе, все было готово, оставалось только пустить въ ходъ, а теперь, изволите ли видѣть, продаютъ съ аукціона, на сломъ.

— Почему?

— Вышла заковычка. Встрѣтились какіе-то тормазы тамъ, наверху, не хватило пороку, и дѣло рухнуло. А все было налажено, дѣлали пробы, только пусти.

Заводъ стоялъ передъ глазами, на возвышеніи, безмолвный, съ недымящимися, мертвыми трубами, съ заколоченными окнами, и кругомъ ни души. И было тяжело смотрѣть на это огромное сооруженіе, выросшее въ степи, заброшенное, неподвижное.

Періодъ „бури и натиска“ вспоминаютъ въ Донецкомъ бассейнѣ часто. Старые горнопромышленные волки, въ совершенствѣ овладѣвшіе тайной уловленія удачныхъ моментовъ, со вздохомъ сожалѣнія говорятъ:

— Эхъ, было время, была жизнь. Все кружилось, несло въ какомъ-то вихрѣ. Не то, что теперь—тихое омертвѣніе. Бывало, стоишь на своемъ посту, какъ на охотѣ—глазомѣръ, быстрота и натискъ. Выпорхнула дичь—бацъ! Уложилъ на мѣстѣ. Ищешь другую... Да, поохотились вволю. Дай, Богъ, еще такой удачи.

Едва ли только наступить опять золотая пора для волчьихъ аппетитовъ. Такіе періоды въ каждомъ движеніи бываютъ однажды. Это былъ порывъ, опьянѣніе. Это была революція въ русской горнопромышленности со всѣми ея хорошими и дурными проявленіями. Теперь наступило успокоеніе, затишье, періодъ упорнаго труда, переоцѣнки силъ и способовъ выработки, перемѣщенія капиталовъ.

II.

Это страничка прошло, вчерашній день.

А что же представляетъ собою Донецкій бассейнъ въ настоящее время?

Мнѣ случилось бывать во многихъ мѣстахъ русской Бельгіи, самыхъ оживленныхъ и самыхъ гиблыхъ, случалось и жить здѣсь, въ краю угля и желѣза, и я достаточно насмотрѣлся на этотъ своеобразный уголокъ нашего отечества.

Она поражаетъ своимъ широкимъ размахомъ, своей жизне-способностью и богатѣйшими данными для дальнѣйшаго развитія. Видъ выработка каменнаго угля, увеличиваясь съ каждымъ годомъ,

достигла здѣсь въ 1912 г. 1.300 милл. пудовъ. За послѣднія десять лѣтъ добыча угля возрасла на 84,7%. Работаетъ на рудникахъ Донецкаго бассейна трудовая армія въ 150 тыс. человекъ. Выработка чугуна на донецкихъ заводахъ достигла въ 1912 году 171.380,3 тыс. пуд., увеличившись сравнительно съ 1911 годомъ на 23½ милл. пуд. Коксовое производство (въ 1911 году 202,80 милл. пуд.) за послѣднія 12 лѣтъ увеличилось вдвое. Увеличилась также и добыча желѣзной руды—въ 1912 году ея добыто 344½ милл. пуд.,—на 42½ милл. болѣе, чѣмъ въ 1911 году.

Но при всей своей жизнеспособности и большомъ промышленномъ размахѣ все здѣсь, въ этомъ богатомъ краю, поражаетъ хаотичной безпорядочностью, неблагоустроенностью. Люди, машины, жилища, отношенія между людьми—все здѣсь производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто это не жизнь, а черновой набросокъ жизни, гдѣ все спутано, скомкано, свалено въ кучу.

Настоящая человѣческая жизнь, безъ скрежета зубоваго, проклятій и униженій, можетъ быть, когда-нибудь и заглянетъ сюда, освѣтитъ темныя пещеры заводовъ и рудниковъ, а теперь это какое-то злое мытарство, а не жизнь.

Надо пожить здѣсь, присмотрѣться, прислушаться, заглянуть въ разные горнопромышленные ямы и углы, чтобы оцѣнить въ достаточной степени здѣшнее существованіе.

Я укажу на наиболѣе характерныя изъ нихъ.

Вотъ, напримѣръ, Дмитріевка въ Макѣевскомъ районѣ, прославленномъ частыми катастрофами въ шахтахъ.

Сѣрая, пыльная площадь, занятая постройками типа городскихъ окраинъ, телефонные столбы съ густой проволоочной сѣтью, темныя остовы шахтъ и заводовъ, дымящіяся трубы—вотъ первое впечатлѣніе отъ Дмитріевки.

Поселкомъ Дмитріевку назвать нельзя. Это городъ, выросшій довольно скоропалительно на землѣ бывшаго Русскаго Донецкаго общества, нынѣ Горнаго Уніона.

Лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь была пустая площадь. По балкамъ, справа и слѣва, торчали шахтенныя вышки, ютились землянки. Потомъ на этой площади выросъ базарчикъ, изъ базарчика образовался поселокъ, а теперь здѣсь уже 30 тыс. жителей. Словомъ, произошла обычная въ Донецкомъ бассейнѣ исторія: на чужой землѣ выросло поселеніе, грязное, неблагоустроенное, безправное. Имъ распоряжаются хозяева-владѣльцы, насаждая благоустройство въ предѣлахъ собственнаго благоусмотрѣнія, а поселенцы только платятъ за землю установленную аренду и съ нѣмой покорностью пріемлютъ скудные плоды заботливости своихъ хозяевъ.

Положеніе, можно сказать, противоестественное: люди живутъ на чужой землѣ и сами какъ бы чужіе. Построили трехэтажные дома, но не считаютъ себя хозяевами, а только лишь временными

жилъцами. И неудивительно, что въ жизни такихъ поселеній нѣтъ обыкновенно ни склада, ни ладу. Все расплывается, смотритъ въ стороны, и у каждаго на умѣ волчья думка:

— Миѣ что? Я тутъ временный. Лишь бы капиталъ зашибить, а тамъ можно и въ сторону.

И эта временность выражается во всемъ: въ спѣшности и скороспѣлости всякихъ предпріятій, въ отсутствіи общественности, въ стремленіе урвать, какъ можно больше, отъ золотого руна, въ поискахъ котораго всѣ сошлись здѣсь, и уйти въ другія, болѣе благоустроенныя мѣста.

Дмитріевку, за быстроту роста, какъ-то назвали Донецкимъ Чикаго. Русское Донецкое общество ухватилося за это названіе и использовало его для рекламныхъ цѣлей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ южныхъ газетахъ появилась широкоформатная реклама:

„Дѣловые люди! Обратите вниманіе!

Донецкій Чикаго!

Новый городъ. Всѣ удобства. 10 станцій желѣзныхъ дорогъ.

Поспѣшите, пока не поздно!

Приобрѣтайте мѣста въ пос. Дмитріевскомъ, которому предстоитъ блестящая будущность. Это Донецкій Чикаго, въ немъ имѣется уже то-то и то-то, а въ скоромъ времени будетъ еще больше“...

Ну, словомъ, реклама, какъ реклама, обладающая всѣми свойствами мыльного пузыря. Времена для Русскаго Донецкаго общества были тогда трудныя, билось оно среди своихъ обширныхъ предпріятій, какъ снигирь въ сѣткѣ, вотъ и рѣшили поправить обстоятельства съ помощью рекламы.

Не знаю, много ли новыхъ поселенцевъ дало это воззваніе Русскому Донецкому обществу, но звонкая кличка „Донецкій Чикаго“ утвердилась за Дмитріевкой, правда, болѣе въ ироническомъ, чѣмъ въ серьезномъ смыслѣ.

Задумавъ соорудить Чикаго, Русское Донецкое общество не позаботилось даже связать свое дѣтище желѣзнодорожнымъ путемъ съ остальнымъ міромъ. Хорошъ промышленный центръ безъ желѣзной дороги! Трехэтажные дома, электричество, телефоны—и бездорожье, море грязи кругомъ, невылазной, непобѣдимой, засасывающей. Ближайшая желѣзнодорожная станція (для грузового движенія) въ 12 верстахъ. Пассажирское движеніе едва только налаживается по вѣткамъ общества—разъ въ сутки ходитъ два вагона полутрамвайнаго типа.

А, между тѣмъ, Дмитріевка могла бы расти, развиваться. Положеніе ея очень выгодное. Кругомъ заводы, рудники, въ 10 верстахъ богатая, промышленная Юзовка (тоже, къ слову сказать, не

соединенная съ Дмитріевкой прямымъ рельсовымъ путемъ), въблизи нѣскольکو узловыхъ центральныхъ станцій. Сама Дмитріевка лежитъ хорошо, на ровномъ мѣстѣ и представляетъ хорошій матеріаль, изъ котораго можно вылѣпить порядочный городъ.

Но для этого нужно городское самоуправленіе.

О немъ въ Дмитріевкѣ пока еще не думаютъ, но вопросъ этотъ назрѣваетъ самъ собой, какъ онъ уже назрѣлъ для Юзовки, Синельниково, Енакіево и другихъ полугородовъ.

III.

Населеніе въ Дмитріевкѣ, какъ и вообще въ горнопромышленныхъ поселкахъ Донецкаго бассейна, случайное, пестрое, со всѣхъ концовъ Россіи.

Сперва обѣдали на мѣстахъ рабочіе. Это были пещерный періодъ. Рабочіе селились въ землянкахъ, которыя отличаются отъ зѣринныхъ норъ только тѣмъ, что имѣютъ у себя нѣкоторое подобіе дверей и оконъ. Типъ этихъ сооружений сохранился въ Донецкомъ бассейнѣ въ значительномъ количествѣ и до сихъ норъ.

Потомъ среди рабочихъ стала селиться разная ремесленная и промышленная мелкота. Появились лавченки, трактиры. За мелкотой потянулись болѣе крупныя—уже было, за что удѣлиться. На ряду съ землянками стали расти бревенчатыя, а потомъ и кирпичныя постройки. Пришелъ капиталъ и сталъ насаждать пьянство, проституцію, дешевую цивилизацію—тотъ фабрично-заводской лоскъ и блескъ, который хуже грязи обволакиваетъ жизнь такихъ промышленныхъ наростовъ, какъ Дмитріевка.

Главное ядро населенія, на счетъ котораго кормятся остальные, все же составляютъ горнорабочіе, шахтеры.

Жизнь шахтерская достаточно хорошо извѣстна, и нѣтъ надобности дѣлать подробную характеристику. Шахтеровъ называютъ вольными каторжниками, мучениками труда, подземными кротами—и все это справедливо, жизнь оправдываетъ эти названія. Трудно сказать, гдѣ шахтера хуже—въ шахтѣ или наверху. Наверху—землянки или, въ лучшемъ случаѣ, казармы, грязь, вонь, тѣснота, плохая пища, пьянство, отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ—некуда дѣть себя въ свободную минуту, не съ кѣмъ слова сказать по-человѣчески. А подъ землей—каторжный трудъ, низкая плата, обвалы, взрывы, затопленія, простуда и т. д.

Чтобы читатель представилъ себѣ болѣе ясно ту обстановку, въ которой работаютъ шахтеры, приведу здѣсь свои впечатлѣнія, вынесенныя отъ спуска въ шахту. Какъ разъ это была та самая злосчастная „Итальянка“, гдѣ взрывомъ гремучаго газа убито было въ мартѣ прошлаго года болѣе 70 человѣкъ.

Въ аданіи шахты насъ встрѣтилъ десятникъ, которому поручено было сопровождать насъ.

Вошли въ клѣтъ. Загрохотала машина. Клѣтъ сорвалась и ахнула въ глубину. Отъ непривычки захватило дыханіе, въ груди стало тѣсно, и сердце какъ будто упало, оборвалось. Но черезъ дѣ-три секунды стало легче, и даже пріятно было нестись куда-то въ черную глубину.

Вотъ и дно колодца. Довельно просторная площадка, вся обшитая деревомъ. Горятъ электрическія лампочки, шхитить за перегородкой водостливая машина.

По сторонамъ чернѣють темные ходы. Мы пошли по одному изъ нихъ. Довельно высоко и просторно, можно идти не сгибаясь. Внизу проложены рельсы. По нимъ ходятъ вагонетки съ углемъ, приводимыя въ движеніе посредствомъ проволочнаго каната. Стѣны и потолки густо закрѣплены стойками и досками.

Дошли до первой продольной галлерей. Тутъ шахта пошла подъ уклонъ, и мы стали спускаться. И съ первыхъ же шаговъ очутились въ плѣну земли. Наши лампочки выхватывали небольшое пространство, а кругомъ стояла непроглядная тьма. Было низко, мѣстами приходилось наклоняться. Паденіе большое, въ 45°, ноги скользили, погружаясь то въ иль, то въ грязь. Воздухъ былъ спертый, влажно-теплый, густой; дышалось съ трудомъ.

Десятникъ шелъ впереди привычнымъ шагомъ, а мы едва поспѣвали за нимъ, поминутно натыкаясь то на рельсы, то на канаты, то на выбоины. И стало такъ жарко, точно мы шли по коридору бани.

Пересѣкли нѣсколько продольныхъ галлерей, откуда тянуло сыростью, а уклонъ все продолжался, все въ глубь, въ темноту, и, казалось, ему не будетъ конца.

Наконецъ, мы свернули въ боковой проходъ и очутились въ тѣсной, низкой свѣже-вырытой норѣ. Ити пришлось, согнувшись вдвое. Было душно; потъ катился градомъ. Все здѣсь носило слѣды недавней работы: свѣжія закрѣпленія, бревна, груды угля. Встрѣтился вагончикъ, и мы едва обминули его—такъ было тѣсно.

Наконецъ, показались огоньки. Мы были въ забоѣ, гдѣ работали шахтеры.

Я оглянулся—и стало жутко.

Представьте себѣ углубленіе въ землѣ—сажень ширины, два аршина вышины, уродливой, неправильной формы. Потревоженные, исковерканные динамитомъ пласты нависли кругомъ, наскоро укрѣпленные стойками. А глубже—широкая щель, куда можно проникнуть только на четверенькахъ, и въ этой щели, среди обрушенных пластовъ, тускло свѣтятъ лампочки, шевелятся фигуры, душъ шесть.

Впечатлѣніе жуткое, трудно передаваемое.

Тьсно, душно, всюду обломки угля, точно послѣ катастрофы. Работать приходится сидя или лежа, въ самыхъ невѣроятныхъ положеніяхъ. Угольная пыль вѣетъ глаза, забирается въ горло.

Когда мы подошли и сѣли,—стоять было нельзя, такъ низко,—работа остановилась. На минуту стало тихо. И вдругъ слышимъ въ разныхъ мѣстахъ забоя какое-то странное шипѣніе, какъ будто тутъ гдѣ-то, за стѣной, выпускаютъ паръ: „ш-ш-ш-ій“...

— Что это?—спросилъ я.

— Гремучка,—спокойно сказалъ ближайшій шахтеръ, весь черный отъ угольной пыли.

Обдало холодомъ отъ этихъ словъ.

Вспомнилась шахта „Иванъ“, Рыковский рудникъ, эта же самая „Итальянка“—сотни жертвъ, погибшихъ отъ взрывовъ. Вотъ она лется изъ потревоженныхъ пластовъ эта страшная сила, способная наполнить огнемъ и смертью всю шахту при малѣйшей искрѣ.

— Это что,—сказалъ одинъ изъ шахтеровъ,—а вотъ тамъ, гдѣ есть вода въ забояхъ, такъ, понимаете, гремучка ключемъ бьетъ, какъ кипятокъ. А то случается, что кошкой замыкаетъ, либо лягушкой заквакаетъ или коровой замычитъ—на разные голоса. Это, если гдѣ соберется много. Мы тогда ее рубахами разгоняемъ...

— Эхъ, потянуть, чтобъ дома не журились,—донеслось изъ дальняго угла.

Я оглянулся.

На пластвѣ, въ темной щели, лежалъ шахтеръ, черный, какъ уголь, и набивалъ носъ табакомъ. Курить нельзя, такъ хоть нюхаютъ—все развлеченіе.

— А-ахи! Добре взяло! Ажъ въ головѣ закрутило.

Смѣхъ, шутки. А обстановка мутная, тягостная, и гремучка шипитъ такъ зловѣще, точно угрожаетъ взрывомъ.

Мы пошли назадъ, работа возобновилась. Застучали кайла—тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, глухо, равномерно. Палили съ глухимъ шумомъ обломки угля. Кто-то запѣлъ. Вспомнились слова шахтерской пѣсни:

Шахтеръ рубить, шахтеръ бьетъ,
Шахтеръ пѣсенку поетъ.

А гремучка аккомпанируетъ, шипя и угрожая подъ вздохи и шорохи земли.

Подыматься по уклону было страшно трудно. Ноги скользили, срывались. Два шага впередъ, шагъ назадъ. Сердце билось такъ, что трудно было дышать, все взмокло отъ пота.

А вѣдь по этой убійственной дорогѣ шахтеры возвращаются каждый разъ послѣ 12-часовой упряжки.

Когда мы поднялись наверхъ, было часовъ десять вечера, свѣтила луна. И пребываніе въ шахтѣ показалось кошмаромъ.

Какое счастье видѣть лунный свѣтъ, небо, звѣзды, дышать просторомъ, всей грудью, и не знать темныхъ пропастей земли...

IV.

Если Дмитріевка присвоила себѣ громкое названіе Донецкаго Чикаго, то Юзовку и подавно слѣдовало бы назвать какимъ-нибудь еще болѣе громкимъ именемъ. Въ ней вѣдь огромный, второй въ Россіи по величинѣ, заводъ Новороссійскаго общества, она выросла и расцвѣла быстро, по-американски, превратившись въ четверть вѣка изъ заводскаго мѣстечка въ 50-тысячный городъ.

Но дѣло въ томъ, что Юзовкѣ заграничное названіе меньше всего пристало. Это чисто русскій городъ прежде всего потому, что страшно грязный и нездоровый.

Юзовка—болѣное мѣсто Донецкаго бассейна. Выросла она, дымная, грязная, распозлалась по буграмъ и оврагамъ, облѣпилась кругомъ заводами и рудниками, и теперь не знаетъ, какъ съ ней быть и что дѣлать. Здѣсь коренятся всѣ недуги Донецкаго бассейна. Тутъ началась памятная своей безпощадностью холера 1910 года, тутъ она дольше всего держалась, благодаря многолюдству, загрязненности и тѣснотѣ. Здѣсь же была и наибольшая паника, наибольшее бѣгство рабочихъ съ завода и окружающихъ рудниковъ. И менѣе опасныя эпидеміи—тифъ, дезинтерія, дифтеритъ и др. облюбовали себѣ Юзовку, чаще всего вспыхиваютъ здѣсь и упорнѣе держатся.

Свирѣпствуютъ здѣсь и эпидеміи нравственныя. Всѣ отбросы горнопромышленной жизни, все темное, преступное и злое прячется здѣсь, въ юзовскихъ логовищахъ. Обиліе явныхъ и тайныхъ притоновъ привлекаетъ сюда всякій сбродъ—воровъ, хулигановъ, громилъ. Имъ тутъ хорошо, здѣсь они чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Ночью по юзовскимъ улицамъ ходятъ съ опаской, а про окрестности и говорить нечего. Попробуй-ка, сунься туда ночью—какъ пить лать оберутъ или ухлопаютъ.

Еще издали, когда только подѣзжаешь къ Юзовкѣ, она кажется чудовищной, необыкновенной. Густое, никогда не расходящееся облако дыма, въ которомъ тамъ и сямъ, какъ грозовыя молніи, схватываются пламенные вспышки, черныя, коптянія небо трубы, какія-то причудливыя сооруженія, горы угля и шлака, кругомъ гулъ, свистъ, вой. А вечеромъ неугасимое зарево отъ доменныхъ печей, пламя выхватывается гигантскими языками, слышатся взрывы, шипѣнье, ворчанье. И голубые электрическіе

огни кажутся такими тихими и прекрасными въ этомъ дымномъ, чадномъ аду.

Въ настоящее время Юзовка занимаетъ площадь болѣе 500 десятинъ, и вся она принадлежитъ Новороссійскому обществу, владѣющему юзовскимъ заводомъ и угольными рудниками.

Мѣста отдаются обществомъ въ долгосрочную аренду подъ жилища помѣщенія на 36 лѣтъ и подъ торговые на 18 лѣтъ. Размѣръ дворовыхъ мѣстъ крохотный: отъ 86 до 150 кв. саж. Но съ 1903 года екатеринославскимъ губернаторомъ было издано постановление, коимъ, во избѣжаніе скученности, размѣръ новыхъ дворовыхъ мѣстъ опредѣляется не менѣе 200 кв. саж. Это не пришлось по вкусу Новороссійскому обществу, и новыя мѣста оно даетъ неохотно, стараясь сбывать старыя. Плата за мѣста взимается самая разнообразная: отъ 1 до 30 коп. за кв. саж. подъ жилища помѣщенія и отъ 10 до 15 руб. подъ торговые.

Сколько же получаетъ Новороссійское общество со своихъ данниковъ, и что оно имъ даетъ?

Это вопросъ (въ первой своей части) крайне затруднительный. По постороннимъ свѣдѣніямъ, Юзовка приноситъ своимъ владѣльцамъ болѣе 300 тыс. руб., и это, пожалуй, справедливо.

А даетъ Новороссійское общество совѣтъ мало.

Вымощены только главныя линіи, мостовыя отвратительныя, ухабъ на ухабѣ. Дворы такъ тѣсны, такъ застроены и заполнены всякими пристройками, что положительно напоминаютъ собой проходные коридоры. Какъ не быть тутъ грязи, тѣснотѣ, заболѣваній?.. Воду, довольно плохого качества, получаютъ жители бесплатно изъ водопроводныхъ бассейновъ, имѣющихся въ 2—3 мѣстахъ, но доставка воды на домъ обходится до одной копейки ведро. Площади пыльны, грязны, ибо не вымощены. Растительности мало, во дворахъ о ней нѣтъ и помину. Прибавьте къ этому вѣчный дымъ и копоть рудниковъ и заводовъ, плохое освѣщеніе—электричество только на первой линіи, а на остальныхъ керосиновые лампы,—пыль лѣтомъ, невылазную грязь осенью—и передъ вами будетъ полная картина благоустройства Юзовки.

Какъ это ни странно, но къ бойкой, промышленной Юзовкѣ не подведена желѣзная дорога. Только въ Россіи могутъ быть такіе курьезы. Ближайшія желѣзнодорожныя станціи Мушкетова и Юзово находятся первая въ 4, а вторая въ 7 верстахъ отъ Юзовки. И городъ отрѣзанъ въ сущности отъ всего міра. Грунтовыя дороги здѣсь отвратительны, осенью, да и весной, онѣ дѣлаются совершенно непроѣздными, и бываетъ, что Юзовка не сообщается ни съ кѣмъ въ это время въ теченіе 2—3 недѣль.

Новороссійское общество имѣетъ желѣзнодорожныя пути на Мушкетова и Юзово, но пользуется ими само, для сбыта издѣлій завода и для перевозки угля. Юзовцы только съ завистью погла-

дывають на паровозы и вагоны, катающіеся по рельсамъ Новороссійскаго общества. На всѣ просьбы жителей предоставить возможность пользоваться дорогой общество отвѣчаетъ отказомъ.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія для развитія, Юзовка все-таки развивается, растетъ, у нея многомилліонные торговые обороты, это—городъ съ будущимъ. Дайте Юзовкѣ самоуправленіе—и черезъ 2—3 года ее нельзя будетъ узнать. Она быстро зашагаетъ впередъ, ибо имѣетъ къ тому всѣ данныя. Теперь здѣсь двѣ женскихъ гимназій, мужская гимназія, прогимназія, нѣсколько городскихъ училищъ, коммерческое училище, на очереди открытіе технического училища. Кромѣ того, здѣсь имѣется все, что можно найти въ бойкомъ южномъ городѣ—банки, нотаріусы, гостиницы, хорошіе магазины. И всюду кипитъ оживленіе.

Дымная, темная Юзовка могла бы рассказать о себѣ много любопытнаго. Могла бы рассказать, какъ она возникла, развивалась. Какъ въ 1870 году предприимчивый англичанинъ Джонъ Юзъ, купивъ на берегу Калміуса участокъ земли, построилъ первый въ Россіи рельсопрокатный заводъ.

Кругомъ была пустынная, нетронутая степь, глушь, безлюдье. И странно, должно быть, зазвучали здѣсь первые гудки первыхъ машинъ, будя безмолвный степной просторъ.

Джонъ Юзъ (по-русски Иванъ Ивановичъ) личность далеко не заурядная. Человѣкъ простой, едва грамотный, онъ былъ въ Англіи мастеромъ на рельсопрокатномъ заводѣ. Случай забросилъ его въ Россію, какъ разъ въ годы пробужденія горнозаводскаго промысла, и тутъ предприимчивости пришлеца-работника открылся широкій просторъ. Много было вложено энергіи, силъ и труда въ новое предпріятіе, и человѣческая мысль побѣдила стихійное безмолвіе степей. Стала Юзовка расти, заселяться. Потянулась сюда жольная русская мастеровщина, стала осѣдать на заводѣ и шахтахъ, которыя, съ проведеніемъ Курско-Харьково-Азовской ж. д., постепенно начали открываться въ разныхъ мѣстахъ Донецкаго края. И черезъ двадцать лѣтъ Юзовка превратилась въ живое, бойкое мѣстечко съ населеніемъ около 20 тыс. душъ, съ громаднымъ заводомъ, занимавшимъ площадь въ 1 кв. версту.

Жизнь на заводѣ вначалѣ, при старикѣ Юзѣ, была простая, патріархальная. Самъ Юзъ, человѣкъ простой, рабочій, любилъ простоту, жилъ въ маленькомъ домикѣ, нисколько не похожемъ на то великолѣпное палаццо, въ которомъ живетъ въ настоящее время директоръ завода. И отношенія къ рабочимъ были простыя, добросердечныя. Среди рабочихъ было много англичанъ. Жили дружно, общей колоніей. Среди развлеченій, какія устраивалъ Юзъ для

своихъ служащихъ, были, между прочимъ, скачки, собиравшія въ Юзовку множество любителей скакового спорта. Потомъ, послѣ смерти старика Юза, при сыновьяхъ, начались другіе порядки, стало строже, хуже.

Лѣтомъ 1892 года Юзовка пережила черные дни: холерный бунтъ, погромъ и усмиреніе. Дѣло жестокое, кровавое, и, говоря о Юзовкѣ, нельзя не вспомнить о немъ.

Началось съ того, что у рабочихъ, ради санитарныхъ цѣлей, снесены были такъ называемыя „каютки“ (пристройки, сдѣланныя рабочими на свой счетъ къ помѣщеніямъ, отведеннымъ для жилья). Это произвело впечатлѣніе палки, сунутой въ муравейникъ. Рабочіе заволновались. Отношеніе къ врачебной помощи было вообще недоброжелательное, враждебное. Больныхъ не давали въ бараки, убѣжденные, что тамъ ихъ травятъ.

На этой почвѣ и возникъ бунтъ.

2 августа, въ полдень, рабочіе, недовольные, что больныхъ берутъ въ бараки, хотѣли было разгромить ихъ, но вмѣсто того, задержавшись на площади, стали громить лавки.

Была вызвана сотня казаковъ, началось усмиреніе, сперва нагайками, потомъ оружіемъ. Но толпа, ожесточившись, оказала сопротивленіе, стала громить и разбивать лавки. Произошло жесточайшее побоище. Было выпущено въ толпу 150 боевыхъ патроновъ, казаки, помимо нагаекъ, пускали въ ходъ шашки, пикі. Рабочіе отбивались камнями, ломами, палками.

Погромъ продолжался всю ночь и на другой день и былъ остановленъ только съ помощью самихъ же рабочихъ, оказавшихъ содѣйствіе полиціи и казакамъ. Къ вечеру прибыли въ Юзовку власти, войска, и буйство смѣнилось паникой. Результаты этихъ двухъ кошмарныхъ дней были ужасны: по приблизительному подсчету было убито болѣе 50 рабочихъ, ранено болѣе 80, но въ дѣйствительности жертвъ было гораздо больше. Со стороны полиціи ранено было 23 казака и 4 городовыхъ. Вся торговая часть Юзовки превратилась въ груду развалинъ. Сожжено и разрушено было 180 лавокъ, 12 питейныхъ заведеній, 7 домовъ и синагога. Убытку причинено до 1½ милліона рублей.

8 августа прибылъ въ Юзовку екатеринославскій губернаторъ В. К. фонъ-Шлиппе.

„Его превосходительство, говорится въ официальном сообщеніи, въ теченіе двухъ дней, 8 и 9 августа, разслѣдовать это печальное событіе, 10 августа подвергнуть строгому административному наказанію часть изъ уличенныхъ во время безпорядковъ, освободивъ отъ такого наказанія несовершеннолѣтнихъ и слабыхъ“.

Административное наказаніе, о которомъ глухо упоминается въ сообщеніи, было просто-на-просто жесточайшей поркой. Очевидцы вспоминаютъ и теперь еще съ содроганіемъ:

— Вывели на площадь, разложили, и началась экзекуція.

— Пороли?

— Ажъ небу было жарко, такъ пороли. Стоялъ стоялъ на площади. До полусмерти, какъ въ доброе старое время.

Печать тогда безмолвствовала, и подробностей объ этой кошмарной расправѣ сохранилось мало.

19 ноября 1892 года дѣло о юзовскихъ безпорядкахъ слушалось временнымъ военнымъ судомъ въ Мариуполѣ. Изъ числа 81 человѣка, признанныхъ виновными въ вооруженномъ сопротивленіи и нападеніи на чиновъ военной и полицейской власти, четверо приговорены къ смертной казни, 8 въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, 30 въ арестантскія роты на 3 года, 16 въ арестантскія роты на 8 мѣсяцевъ и 7—аресту на 3 недѣли.

Юзовкѣ еще разъ суждено было пережить грозные дни—въ октябрѣ 1905 года, во время еврейскаго погрома.

Вся базарная площадь опять выгорѣла. Страшное тогда творилось тутъ,—какой-то дикій, нечеловѣческій разгулъ. Били, рѣзали, поджигали. Евреи спасались бѣгствомъ, прятались, уходили, бросая деньги, имущество, даже дѣтей. А ихъ ловили и тутъ же расправлялись. Озвѣрѣніе доходило до того, что евреевъ живыми бросали въ доменные печи...

Но все это еще слишкомъ свѣжо въ памяти и не забылось.

V.

Юзовка окружена дымнымъ кольцомъ круныхъ и мелкихъ шахтъ и рудниковъ. Каждая пядь земли засыпана здѣсь углемъ, выгарками, шлакомъ, всюду торчатъ трубы, схватываются облака дыма, воздухъ вѣчно насыщенъ угольной пылью и копотью.

Въ двухъ верстахъ, по ту сторону Калміуса, лежитъ Рыковский рудникъ, памятный страшной катастрофой въ 1908 году. Тутъ много такихъ памятковъ: шахта Иванъ, Итальянка, Рыковскіе шахты, Горловка. Въ этомъ районѣ сосредоточены всѣ газовые рудники Донецкаго бассейна. За время съ 18 іюня 1908 года (день рыковской катастрофы) здѣсь произошло 14 взрывовъ, взявшихъ болѣе 600 жертвъ.

Говоря о рудникахъ этого района, нельзя умолчать о Горловкѣ. Это старѣйшій рудникъ Донецкаго края. Его основалъ строитель К.-Х.-А. жел. дор. Я. С. Поляковъ, заложивъ здѣсь при ст. Горловкѣ Корсуновскую копь.

Но старѣйшій рудникъ не можетъ похвалиться своимъ благоустройствомъ. Если Юзовка грязна и отвратительна, то Горловка совѣтъ клоака. Рабочіе еще и до сихъ поръ живутъ въ землянкахъ, переполюемыхъ до невозможности: въ землянкѣ, разсчитанной на 5—6 душъ, помѣщается 15—20 человѣкъ. Казармы

и дома для рабочих по тѣснотѣ и неуютности не многимъ отличаются отъ землянокъ. Мѣсто низкое, гнилое, въ балкѣ. По балкѣ идутъ стоки нечистоты—изъ шахтъ, отъ бань и отхожихъ мѣстъ. Тутъ же недалеко и колодцы для питьевой воды.

Площадь рудничного поселка заражена отхожими мѣстами. На рудникахъ вообще дѣлаютъ такъ: роютъ близъ жилища ямы для отхожихъ мѣстъ, ставятъ деревянныя постройки и, когда яма наполнится, ее засыпаютъ землей, а по сосѣдству роютъ другую яму и переносятъ на нее надстройку. Дѣлается это ради экономіи. Нѣкоторые поселки при шахтахъ стоятъ цѣликомъ на такихъ ямахъ. Все это медленно гниетъ, всасывается въ почву, отравляетъ воду въ колодцахъ. И не удивительно, что заразные болѣзни на рудникахъ не прекращаются: холера сменяется тифомъ, тифъ дезинтеріей и т. д.

Я нигдѣ не видѣлъ такой темной и безпросвѣтной жизни, какъ въ Горловкѣ. Грязь, конопоть, дымъ, сырость. Торчатъ унылыя черныя трубы, режутъ гудки, стучатъ машины, а кругомъ темно, мрачно, безнадежно. Жилища маленькія, черныя, постройки казарменнаго типа, нигдѣ ни деревца, не на чемъ отдохнуть глазу. Въ Юзовкѣ есть хоть садъ, въ Макѣевкѣ тоже, а здѣсь какое-то чортово пекло, куда, не знаю ужъ за какіе грѣхи, ввергли шахтеровъ. Единственное живое мѣсто—казенки да трактиры, куда несутъ шахтеры свои заработки, одурѣвъ отъ скуки, тяжелатаго труда и безпросвѣтной жизни.

Въ этомъ гибломъ мѣстѣ не прививаются даже тѣ жалкіе ростки культуры, которые можно найти въ Юзовкѣ, Дмитріевкѣ, Енакиевѣ и другихъ промышленныхъ поселкахъ. Тутъ живетъ темная шахтерская масса, да и та не засиживается. Сюда идутъ на работу только тѣ, кому не удалось нигдѣ пристроиться, и уходятъ при первой возможности. Кому пріятно жить въ такой ямѣ? Во время холерной эпидеміи 1910 года здѣсь было почти поголовное бѣгство. Такъ, напримѣръ, на шахтѣ № 5, гдѣ особенно отвратительны жилищныя условія, изъ 4 тыс. человекъ осталось душъ 400, — остальные всѣ разбѣжались. Если кто хочетъ видѣть ничѣмъ не прикрашенное шахтерское житье-бытье, пусть заглянетъ въ горловскій районъ. На мелкихъ шахтенкахъ, гдѣ рабочие живутъ по-звѣриному, прямо въ землѣ, въ ямахъ (а такихъ шахтъ въ Донецкомъ бассейнѣ множество), все же лучше: тамъ хоть воздухъ чище, больше простора, и нѣтъ такой загаженности и тѣсноты, какъ, напримѣръ, въ Горловкѣ и на сосѣднихъ рудникахъ.

Вѣдь обычный размѣръ семейныхъ квартиръ здѣсь 3—5 куб. сажень, а помѣщается въ такомъ хлѣву 10—12 душъ, — своя семья да еще жильцы, квартиранты, столовники. Спать на нарахъ считается роскошью, доступной только немногимъ. По большей части спать на земляномъ полу, въ повалку. Хатенка вся загромождена

хламомъ, грязной одеждой, всегда мокрой отъ пребыванія въ шахтѣ; стѣны и потолоки черные отъ угольной пыли; на стѣнахъ сырость, на полу мокрота. Какой тутъ воздухъ—и говорить нечего. На утро рабочіе поднимаются съ больной и пьяной головой, какъ отъ угара, и первымъ дѣломъ распахиваютъ дверь, выскакиваютъ на дворъ—отдышаться. Для дѣтей здѣсь погибель. Мрутъ, какъ мухи, отъ плохой пищи и нездоровыхъ жилищъ—60% ихъ вымираетъ ежегодно. Къ этому дѣтскому мору такъ привыкли, что считаютъ его зауряднымъ явленіемъ, какъ будто такъ и надо.

Въ томъ же Бахмутскомъ уѣздѣ, гдѣ находится Горловка, есть еще одно любопытное поселеніе—Енакіево.

Возникло оно такъ же феерически, какъ и другія крупныя горнопромышленныя поселенія: въ 10—15 лѣтъ выросъ въ степи городъ, дымный, пыльный, грязный. Здѣсь Петровскіе заводы Русско-Бельгійскаго общества—одного изъ богатѣйшихъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Земля, на которой лежитъ Енакіево, частновладельческая, разныхъ владѣльцевъ. Сейчасъ это—городъ съ населеніемъ около 30 тысячъ, безъ всякихъ признаковъ благоустройства. Есть гостиницы, магазины, клубы, трактиры, кинематографы, и нѣтъ библіотеки или хоть какого-либо просвѣтительнаго учрежденія съ живой инициативой, интеллигенція только въ зародышѣ, нѣтъ общественной жизни—такъ же, какъ нѣтъ мостовыхъ, освѣщенія, водоснабженія.

Администрація скромнаго Петровскаго завода состоитъ главнымъ образомъ изъ бельгійцевъ, живетъ совершенно отчужденно, замкнуто и никакого культурнаго вклада въ общественную жизнь Енакіево не вноситъ.

И здѣсь тоже, какъ и въ другихъ степныхъ городахъ, лежащихъ на чужой землѣ, нѣтъ и зачатковъ самоуправленія. Трудное положеніе усугубляется еще тѣмъ, что Енакіево состоитъ изъ четырехъ частей, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ. Каждый владѣлецъ старается какъ можно больше брать за землю аренды и какъ меньше затрачивать на благоустройство, и это похоже на басню „Лебедь, Щука и Ракъ“. Каждый тянетъ въ сторону своихъ выгодъ, а возъ благоустройства стоитъ на мѣстѣ, и обыватели только кричатъ и стонутъ, платя за право жить въ грязи и пыли взысканную, возрастающую съ каждымъ годомъ арендную плату.

Есть еще по-сосѣдству съ Енакіевомъ два интересныхъ поселенія въ такомъ же родѣ: при станціи Дебальцево, гдѣ раскинулся такой же неуклюжій, неудобный степной городъ, и при ст. Алчевская, гдѣ находится Зорьевскій металлургическій заводъ.

При заводѣ поселеніе въ 20 тыс. душъ. Лежитъ на буграхъ и

оврагахъ. Грязно, неуютно, тѣсно. Масса землянокъ и клѣтушекъ, набитыхъ жильцами. Такого рода жилища давно уже запрещены закономъ, но здѣсь они существуютъ, ихъ сдаютъ въ аренду по 5—8 руб. въ мѣсяцъ и въ свою очередь передаютъ одинокимъ жильцамъ. Особенно кишитъ такими клѣтушками Старо-Васильевскій базаръ.

При рабочихъ казармахъ смрадные ретирады, выстроенные шеренгой, въ рядъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, и вблизи свалочное мѣсто. Дохнетъ оттуда вѣтеръ—и смрадъ разносится по всему поселку. Есть мусоросжигательная печь, но она не дѣйствуетъ, — испорчена.

Для администраціи завода выстроены чудесные особняки, а домъ директора похожъ на дворецъ. Вообще директора на заводахъ и рудникахъ живутъ владѣтельными князьками. Великолѣпныя помѣщенія, огромный штатъ прислуги, полицейская охрана—все въ ихъ услугамъ.

А рядомъ—клѣтушки, землянушки, тѣсныя, грязныя биткомъ набитыя казармы, безъ воздуха и свѣта, гдѣ влечать свое скудное житіе рабы жизни—та трудовая, рабочая мелкота, которая обогащаетъ господъ предпринимателей.

Въ то время, когда я былъ на юрьевскомъ заводѣ, тамъ какъ разъ производилась среди рабочихъ анкета, по порученію славяно-сербской земской управы, для выясненія жизненныхъ потребностей заводскихъ рабочихъ.

Съ молодымъ земскимъ врачомъ, которому поручили эту работу, мы обошли десятка два рабочихъ жилищъ, семейныхъ и артельныхъ. Встрѣчали насъ вначалѣ довольно сдержанно, недо-вѣрчиво, а потомъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, охотно отвѣчали на все наши вопросы. Понемногу приподымался край завѣсы надъ подлинной жизнью. Впечатлѣнія были безотрадныя: и отъ того, какъ живутъ рабочіе, и отъ того, чѣмъ они питаются — физически и духовно.

Казармы грязныя, тѣсныя, наблюдается всегда переполненіе. На человѣка приходится 0,5—1,5 куб. саж. воздуха. Пища скудная и у семейныхъ, и у артельныхъ. Мясо берутъ дешевые сорта, лежалое, да и не каждый день. Молока и масла совсѣмъ не видать. Хлѣбъ черный, тяжелый, плохо выпеченный. Содержаніе обходится не менѣе 15 руб. въ мѣсяцъ. Это при артельномъ иждивеніи. Да помимо необходимаго уходитъ еще рублей 8—10 въ мѣсяцъ на мелочи. А заработки плачевныя. Только въ вальцовочномъ отдѣленіи рабочіе получаютъ 80—90 руб. въ мѣсяцъ, а рядовые рабочіе, въ литейномъ, прокатномъ, механическомъ и доменномъ отдѣленіяхъ, вырабатываютъ отъ 15 до 35 руб. въ мѣсяцъ. Работа трудная, при огнѣ, все быстро изнашивается, одежды и обуви не хватаетъ.

— Чистая бѣда, — жаловались рабочіе, — не успѣешь сира-

вить, какъ уже все погорѣло, побилось, давай новое. На это только и работаемъ.

— А на выпивку сколько тратите?

— Рублей шесть въ мѣсяцъ, на водку и диво.

— Что такъ много?

— Безъ этого нельзя. У насъ каждый, какъ идетъ на работу, беретъ съ собой бутылку пива.

— Зачѣмъ?

— Работать чижало, при огнѣ, жарѣ, духота. А пиво освѣжаетъ.

— А на газеты и книжки сколько тратите?

— На это не тратимся.

— И не читаете?

— Въ праздникъ почитаешь иногда книжку или газетку, гдѣ выпросишь. А въ будень читать некогда. Пришелъ, поѣлъ и спать. Выморись на работѣ такъ, что и не до книжки.

И у семейныхъ выпивка и куреніе составляютъ довольно значительныя статьи расхода. Жены возмущаются, негодуютъ, а мужья упорно твердятъ одно:

— Безъ этого нельзя. Работа даже чижалая, вынуждаетъ.

Если у заводскихъ рабочихъ въ жилищахъ грязь, тѣснота, плохая пища и не найдешь ни газеты, ни книжки, то о шахтерахъ и говорить нечего. Здѣсь полнѣйшая заброшенность и темнота. Пьютъ шахтеры больше, чѣмъ заводскіе рабочіе, точно желая залить водкой сознаніе своей трудной, горькой жизни. Каждый, можетъ быть, зналъ когда-то лучшія времена, пока не работалъ въ шахтѣ. А здѣсь затнуло, засосало, опрокинуло, и сталъ онъ темной рабочей силой, темной и безотвѣтной, какъ земля. Подъ землей—каторга тяжелаго труда, опасности, штрафы, а наверху—плохая пища, дрянныя, вопючія жилища, у одинокихъ—бездомность, пьяный угаръ, больныя, смердящія заразой проститутки (одно изъ страшнѣйшихъ золъ рудниковъ и заводовъ). А у семейныхъ—тѣснота, недостатки, хворыя, ворчливья жены, хилая, истощенная дѣтвора.

Не жизнь, а мука!

Какъ исключеніе, рѣдкое и отрадное, есть въ Донецкомъ бассейнѣ рудники, гдѣ рабочимъ живется лучше, легче. Ихъ мало, но они есть, и существованіе ихъ говоритъ за то, что жизнь горнорабочихъ, такая темная, пьяная, безпросвѣтная, могла бы быть лучше. Для этого нужна не Богъ вѣсть какая заботливость со стороны администраціи рудника, внимательное отношеніе къ рабочимъ.

Одинъ изъ такихъ сравнительно благоустроенныхъ рудниковъ

(не буду называть его по имени, чтобы „не дразнить гусей“), я видѣлъ во время поѣздки. Поселокъ при рудникѣ чистенькій, домики уютные, и нѣтъ ни тѣсноты, ни грязи. Большинство рабочихъ живутъ охладно, семейные. У домиковъ зелень, деревья, огороды. Хорошая школа, большое, свѣтлое зданіе больницы. И все это—чистота, уютъ, порядокъ—привязываетъ рабочихъ къ руднику, и, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, образовался постоянный классъ шахтеровъ, которые живутъ годами, обзаводятся хозяйствомъ, держатъ птицу, коровъ, свиней, имѣютъ даже клочокъ земли, удовлетворяющій ихъ хозяйственные инстинкты. Здѣсь и пьянства ошеломляющаго нѣтъ, и болѣзни свирѣпствуютъ меньше, и работа идетъ продуктивнѣе.

И все это потому, что администрація рудника проявляетъ къ своимъ рабочимъ нѣкоторую заботливость, столь несвойственную вообще въ этой печальной доли труда.

VI.

Когда хочешь охватить общимъ взглядомъ эти десятки и сотни разбросавшихся въ Донецкомъ бассейнѣ дымныхъ, черныхъ рудниковъ, поселеній, заводовъ, шахтъ и шахтенокъ, такихъ однообразныхъ, такъ похожихъ одна на другую, прежде всего всплываютъ въ памяти грязь, заброшенность, неблагоустройство, пьянство, болѣзни, недоѣданіе, раболѣпіе и забитость съ одной стороны и сытость, праздность, любоначальіе и безработность съ другой. Огромнѣйшій и непримиримый контрастъ между хозяевами и работниками.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ Донецкомъ бассейнѣ заговорили сразу на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и новыя предприятия открывались чуть ли не ежедневно, мнѣ пришлось видѣть на ст. Никитовкѣ такую картину.

Въ вокзалѣ, тогда еще старенькій, тѣсный, ввалилась компанія бельгійцевъ, душъ двѣнадцать, мужчинъ и женщинъ и, занявъ большой столъ, стали пить пиво. Было какое-то торжество, кажется, кого-то провожали, и всѣ были настроены чудесно. Пили не много, но очень весело, съ смѣхомъ, съ шутками, съ веселымъ разговоромъ, и пѣснями. Пѣсни были, повидимому, очень остроумныя, потому что каждая сопровождалась взрывомъ смѣха.

И вотъ, въ самый разгаръ веселья, одинъ изъ бельгійцевъ поднялся и объявилъ, что онъ желаетъ спѣть русскую пѣсню. Его предложеніе встрѣтили шумными аплодисментами. Пѣвецъ съ серьезнымъ видомъ, чуть прищипавъ усы тонкою усмѣшкой, началъ:

Ни-чево. Карашо,
 Какъ-нибудь. Все равно.
 Ничево. Все равно.
 Какъ-нибудь. Карашо.

Это были слова. А мотив—что-то вродѣ той великолѣпной польки, которую наигрываютъ музыканты на балу въ андреевской „Жизни человѣка“.

Пѣсня имѣла шумный успѣхъ. Пѣвцу аплодировали, кричали бисъ, и потомъ весь хоромъ, вѣдѣ за нимъ, затянули.

Ничево. Карашо.
 Какъ-нибудь. Все равно.

Эта „русская“ пѣсня, помню, тогда меня поразила. Умные, наблюдательные бельгійцы сумѣли уловить основную черту русскаго характера, сумѣли найти самыя ходкія русскія слова: ничего, хорошо, какъ-нибудь, все равно.

Мнѣ эта пѣсня вспоминалась потомъ часто, вспоминается и теперь, когда я думаю о Донецкомъ бассейнѣ.

Вѣдъ это типичная русская пѣсенка, ее вотъ уже тридцать лѣтъ поютъ наши горнопромышленники и будутъ пѣть, должно быть, еще трижды тридцать. Годы идутъ, а положеніе дѣлъ въ царствѣ угля и желѣза не мѣняется, все одно и то же, и на весь напоминачіе жизни угольные и желѣзные царьки неизмѣнно твердятъ:

Ничего, хорошо,
 Какъ-нибудь, все равно.

— Аховское у насъ житье,—говорятъ въ Донецкомъ краѣ.

И дѣйствительно, куда не заглянешь, ахнешь.

Нѣтъ чернѣй и безпросвѣтлѣй жизни у насъ въ Россіи, какъ на шахтахъ. Это предѣлъ, дальше котораго итти некуда. На заводѣ, на фабрикѣ, въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, во всѣхъ другихъ производствахъ человѣкъ еще чувствуетъ себя человѣкомъ, а здѣсь, на шахтахъ, это ощущеніе какъ бы утрачивается. Шахтеръ превращается просто-на-просто въ рабочую силу, въ стадо, разрозненное, неорганизованное связанное между собою только безпросвѣтностью труда. На заводахъ, фабрикахъ и въ сельскомъ хозяйствѣ есть хоть какія-нибудь организаціи, есть хоть слабыя ростки общественной и кооперативной мысли, а тутъ буквально ничего—рабское подчиненіе и трудъ.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ у насъ на рудникахъ нѣтъ постоянного кадра рабочихъ. Горнорабочіе у насъ случайная бродячая масса, переходящая съ одного рудника на другой, въ поискахъ, гдѣ лучше. Придетъ человѣкъ осенью, проработаетъ зиму, а на весну тянетъ домой. И такъ съ осени до весны или съ весны до осени перекатываются изъ края въ край эти людскія волны, въ большинствѣ неподготовленныя къ горному дѣлу, неумѣлыя, технически безпомощныя, то прихлынуть, то отдохнуть, нигдѣ не задерживаясь надолго. Кому въ самомъ дѣлѣ охота итти

въ вольную каторгу, какъ называютъ здѣсь работу въ шахтахъ? И хоть бы заработки были большіе, а то вѣдь и этого нѣтъ—сдѣльно-средній рабочій больше рубля въ день не выгонять,—какой смыслъ торчать въ шахтѣ? Въ Англіи минимальный заработокъ шахтера равняется не менѣе 5 шиллинговъ (2 р. 37 к.), а у насъ въ два раза меньше. Тамъ малолѣтніе получаютъ не менѣе 2 шил. (95 коп.), а у насъ это средній размѣръ платы для взрослого человѣка.

Наши горнопромышленныя предпріятія часто переживаютъ критическіе моменты—нѣтъ рабочихъ рукъ. Нѣтъ рабочихъ—слѣдовательно, сокращается и производство—добыча угля, выработка чугуна и желѣза. Цѣны повышаются, вспыхиваетъ угольный или чугунный голодъ—теперь это стало зауряднымъ явленіемъ. Промышленники плачутъ, боятся, чтобы не открыли границу для беспошлиннаго ввоза иностраннаго угля, жалуются на рабочихъ—требовательны-де, неуживчивы, своевольны, и на ихъ головы валятся всѣ недуги современнаго производства. И совершенно при этомъ забываютъ, что ужиться на рудникѣ или заводѣ, при теперешнихъ условіяхъ существованія, нѣтъ никакой возможности. Для жизни нѣтъ даже минимальныхъ удобствъ. Рабочіе бѣжали съ рудниковъ и будутъ бѣжать, ибо, при всей неприхотливости русскаго человѣка, нельзя помириться съ той собачьей жизнью, какой живутъ тутъ рабочіе на шахтахъ.

Не говоря ужъ о несчастныхъ случаяхъ, которыхъ больше всего даетъ Донецкій бассейнъ (въ 1909 году въ харьковскомъ округѣ пострадало отъ несчастныхъ случаевъ 13.353 чел., что составляетъ— $\frac{1}{4}$ часть всего количества пострадавшихъ въ Россіи), какой огромный процентъ рабочихъ страдаетъ отъ негигіеничныхъ условій жизни на рудникахъ и заводахъ, отъ эпидемическихъ и простудныхъ болѣзней, отъ сифилиса, пьянства, недоѣданія, плохой пищи, плохой воды. Учтите все это и получите чудовищныя цифры. А наши горнопромышленники только отмахиваются:

— Ничего. На нашъ вѣкъ рабочаго матеріала хватитъ.

На совѣщаніи объ угольномъ кризисѣ, происходившемъ въ январѣ этого года въ Петербургѣ, горнопромышленники, возражая противъ ввоза иностраннаго угля безъ пошлины, увѣряли, что въ этомъ году удастся увеличить добычу угля на 260—300 мил. пудовъ, и, слѣдовательно, Донецкій бассейнъ дастъ въ 1913 году 1.600 мил. пуд.

А когда ихъ спросили, гдѣ они возьмутъ и, главное, гдѣ размѣстятъ тѣ 26—30 тыс. рабочихъ, которые понадобятся для увеличенія выработки угля, когда и теперь ощущается остро недостатокъ и переполненіе жилищъ на рудникахъ, горнопромышленники не знали, что отвѣтить.

Конечно, тутъ отвѣтъ можетъ быть одинъ, весьма неурятный

для предпринимателей: надо улучшить санитарныя условія жизни на рудникахъ, надо выстроить новыя жилища, бороться съ пьянствомъ, надо лучше оборудовать шахты, обзаводиться постоянными рабочими, увеличивать имъ плату.

До тѣхъ поръ, пока владѣльцы горнопромышленныхъ предприятий не обезпечатъ себя постоянными рабочими, а это можно сдѣлать только улучшеніемъ условій труда и жизни на шахтахъ,—будутъ и колебанія, и недостатокъ въ рабочихъ, и всяческія угольныя и чугуныя голодовки.

Но наши горнопромышленники не хотятъ сознать непреложное, не хотятъ очищать рудниковъ отъ грязи, обезпечить рабочихъ леченіемъ, здоровымъ жильемъ, хорошей водой, доброкачественными продуктами. Считаютъ, что все это лишнее, что можно какъ-нибудь обойтись, или стараются ввалить свои обязанности на правительство, на земство, на кого угодно.

А когда ввалится какая-нибудь заразная болѣзнь, вроде холеры или тифа, или рабочіе откажутся отъ работъ, въ виду невыносимыхъ условій существованія, они начинаютъ жаловаться на убытки, на лѣнь и безалаберность рабочихъ. А сами себя хлещутъ по карману, тормозятъ развитіе естественныхъ богатствъ края.

Долго еще, повидимому, будетъ держаться въ Донецкомъ бассейнѣ такой порядокъ, ибо, по совѣсти говоря, трудно въ настоящее время установить, гдѣ больше темноты и непониманія—среди рабочихъ или среди горнопромышленниковъ, страдающихъ почти поголовно крохоборствомъ, близорукостью, скопидомствомъ и превращающихъ прекрасный горный промыселъ въ беззабѣчивое пѣнокоснимательство.

П. Сурожскій.
